

Веб-журнал "Европейская Афиша" № 20/06/2011 www.afficha.info

«Любовные письма к Сталину» - испанская фантазия
на русскую тему.

Екатерина Богопольская

В театре de la Tempête (Картушри) в апреле - мае шел спектакль под интригующим названием «Любовные письма к Сталину». Автор пьесы, написанной в 1998 году, Хуан Майорга (1965) считается одним из самых интересных драматургов современного испанского театра. Постановщик спектакля, почти восьмидесятилетний аргентинец Жорж Лавелли, некогда один из самых ярких режиссеров Европы, художественный руководитель и создатель Парижского театра de la Colline (1987-1996), теперь не частый гость на парижской сцене, хотя продолжает ставить спектакли по всему миру. В пьесе Майорги Лавелли находит идеальный для него фантазмагорический сюжет, и столь же типичную для латиноамериканца проблематику отношений диктатора и художника. В основу текста положены письма Булгакова к Сталину и другие факты из биографии писателя 30-х годов, и действуют три персонажа, своеобразный любовный треугольник –Булгакова, его жена и Сталин. Можно сказать иначе, третий персонаж - дьявол.

Тема «Сталин и художник» - не новая. Майорга в постмодернистский игровой контекст задействовал фигуру Булгакова, как когда-то английский драматург Дэвид Пауэлл в модной пьесе 80- 90-х годов «Master Class» (1983) Шостаковича и Прокофьева: там тоже в форме трагифарса ставился вопрос о художнике и власти на примере воображаемой встречи Сталина и двух великих композиторов, зимой 1948. В начале 90-х в Париже играли пьесу чилийского драматурга Гастона Сальваторе (больше известного как автор сценария «Забриски поинт») «Сталин» - воображаемые встречи вождя и актера Зингера, образ которого основывался на биографии Михоэлса. Используя классическую схему «шут и король», Сальваторе помещал действующих лиц исторической трагедии (время действия 1952 год) на театральные подмостки: два старика, страдающие бессонницей, разыгрывают шекспировского «Короля Лира», причем если один, шут (Зингер) играет трагедию, второй, Сталин, своего рода бесовской гиньоль.

В России на тему воображаемой встречи Сталина и Булгакова написана пьеса Григория Фукса (2006), «Карамболь после полуночи».

Мистификация, в которой, как у Майорги, участвуют Булгаков, его жена и Сталин, да еще статисты-сотрудники НКВД и соседи. Пьеса написана после Майорги, но знал Фукс «Любовные письма...» или это простое совпадение, сказать не берусь.

Завязка «Любовных писем...» - знаменитое письмо, которое пишет Сталину в марте 1930 года вконец затравленный писатель, и просит разрешить ему с женой покинуть СССР, так как для него «невозможность писать равносильна погребению заживо». Засим, как известно, последовал телефонный звонок Сталина, когда, помимо прочего, тот предлагал писателю встречу. Но на этом телефонная связь, во всяком случае в пьесе Майорги, неожиданно прервалась. Сталин и несостоявшаяся встреча с вождем, который, как театральный бог из машины, или как дьявол, может разрешить все проблемы, становится в пьесе навязчивой идеей персонажа Булгакова. Днем он ждет звонка и пишет письма, но и ночью продолжает нескончаемый разговор с таинственным посетителем. (Эта тема, как известно, в самом деле занимала писателя, можно вспомнить и письма, и воспоминания Елены Сергеевны, и неоконченную пьесу о Ричарде Ричардовиче, крупном чине НКВД, покровительствующем писателю, итд. Майорга в интервью испанским журналистам признавался, что когда он прочитал письма Булгакова, больше всего его поразила их абсурдность).

Photo Lot

"Lettres d'amour à Staline" de Juan Mayorga, mise en scène Jorge Lavelli

Все дальнейшее действие строится вокруг ожидания реальной встречи, и воображаемых встреч со Сталиным, который, подобно черту Ивана Карамазова, каждую ночь тайно является писателю, становясь постепенно его привилегированным собеседником. (В одном из сохранившихся набросков письма, написанного Булгаковым в этот период (1931 год), он просит Сталина стать его первым читателем). В рондо вступает также жена, некий обобщенный образ, совместивший в себе и Елену Сергеевну, и Любовь Белозерскую - бесконечно любящая женщина, готовая ради него на все. Любимая игра супругов - Булгакова в спектакле перевоплощается в Сталина («Я помогу тебе. Я буду для тебя Сталиным»), чтобы помочь Мише лучше оценить собеседника, и они вместе предаются

гротескной репетиции с воображаемым «повелителем судеб». В финале жена не выдерживает деградацию любимого человека, и собрав его рукописи, тайком уезжает за границу. Призрак Сталина у Майорги неотвязно преследует писателя, так что в конце концов полностью поработает его, замещает реальность. «С конца 1930 года я хвораю тяжёлой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен», - эти строки из письма Булгакова можно в известной степени считать рефреном пьесы.

Известно особое «зловещее внимание» Сталина к Булгакову на протяжении всей жизни писателя. Внимание парадоксальное – он и первый ревностный ценитель «Дней Турбиных», многие реплики которых он знает наизусть, но он же стоит за множеством гонений и запретов на постановки пьес Булгакова итд. Конечно, Майорга все нюансы этой проблематики не исчерпывает, но несомненно, угадывает какую-то ипостась этих сложных отношений любви-ненависти тирана и художника. «Моя пьеса - медитация на тему необходимости для художника благосклонности власти и столь же необходимой для власти любви художника», - говорит Майорга. «Письма, которые начинаются как прошение о заступничестве (термин самого Булгакова), постепенно становятся чем-то большим. Совсем в духе ернического рассказа о вожде самого писателя, который приводит в своих воспоминаниях Елена Сергеевна «после чего начинается такая жизнь, что Сталин прямо не может без Миши жить- все вместе и вместе». Лучшее всего выразил эту идею пьесы русский переводчик Майорги, Евгений Шторн: «Это пьеса о затравленном и растерянном художнике, сходящем с ума от собственного бессилия перед натиском абсолютной власти. Абсолютной настолько, что жертва влюбляется в своего тирана. Абсолютной настолько, что и сам тиран не в силах устоять перед “перверсивной” любовью жертвы. Говорят, что от любви до ненависти один шаг, тогда я определил бы пространство этой пьесы, как пространство, вмещающее в этот шаг. Это история одного безумия, где нет места литературоведческой точности и научности. В основу пьесы положены письма, написанные по-русски, что позволяет мне считать Булгакова и Замятина – а именно им принадлежат вышеупомянутые письма – соавторами моего перевода. Начало предложения могло быть из одного письма, а окончание из другого. При этом в середине предложения автор писал что-то свое. Перевод этого текста был похож на собирание огромной мозаики с замысловатыми узорами». (Русский перевод «Любовных писем к Сталину» опубликован в журнале «Нева», №2 за 2011 год).

Невозможный «роман» писателя с дьяволом приводит его неминуемо к гибели, «и гостью страшную ты сам к себе впустил, и с ней наедине остался», как писала на смерть самого Булгакова Анна Ахматова. Пьеса заканчивается очень булгаковской насмешкой - Сталин мечтает опутать телефонными проводами всю страну. «В каждом доме от Бреста до Владивостока мы установим телефонный аппарат, по которому можно будет лично связаться с товарищем Сталиным. Я клянусь тебе, Миша, мы этого достигнем. Любой ценой!» Однако, писатель у Майорги, при всей

видимой схожести с Булгаковым, все-таки не биография, а литературная фантазия.

... На сцене театра - нагромождение мебели, как на складе. Шкафы, буфеты, шифоньерки, столы-большие и маленькие. Зачем все это? Выкорчеванный быт, сдвинутая реальность, - вроде бы и квартира, и одновременно ангар, мышеловка. Здесь и творит писатель Булгаков. Люк-Антуан Дикюеро в спектакле очень внешне похож на Михаила Афанасьевича, но ему явно не хватает актерского масштаба. В то, что затравленный, на грани шизофрении, верим, а в то, что такой вот постоянно срывающийся на истерику и не чуждый патетики человек и есть великий писатель - как-то с трудом. Сталин - в белом кителе, с набеленным лицом-маской мертвяка, напоминал, естественно, о нечистом. Не столько дьявол-все-таки не тот размах, сколько реализовавшаяся навязчивая идея, галлюцинация. Что-то вроде беса, который в спектакле Лавелли появляется не из шкатулки, а из платяного шкафа. Жерар Лартиго довольно ходульно исполнял роль «бесовского двойника». Даже если в известной степени его персонаж не лишен определенного шарма, ему явно недоставало ирреального измерения. Самое сильное впечатление от спектакля – потрясающая Доминик Пуланж в роли жены Булгакова. *Но тут* вмешался случай, просто мистика, совсем в духе Булгакова. Изначально роль исполняла Мари-Кристин Летор, и судя по критике, очень неудачно. И вдруг с актрисой приключается несчастный случай, она ломает ногу и играть не может. Роль Булгаковой в экстремальной ситуации передается единственному человеку, знающему ее наизусть, а именно Доминик Пуланж, жене и постоянной ассистентке всех постановок Лавелли на протяжении нескольких десятилетий. В «Письмах...» она первоначально тоже значилась как соавтор французского перевода и ассистент режиссера. И все преобразается. Несмотря на возрастное несовпадение (актриса по роли должна быть много моложе), именно она оказывается смысловым центром спектакля, блестяще переигрывая своих двух партнеров и привнося в несколько размытую структуру спектакля стареющего Лавелли живую страстную энергию души.